

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 113—125
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.10

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 113—125
ББК 63.521(=603.1)-529
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.10

ЖЕНЩИНА КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ В ТРАДИЦИОННОЙ БРАЧНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ (1870—1970-е гг.)

А. А. Плиев, И. Л. Бабич

Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, irina@babich1.net

Анализируются типы одной из основных форм брака на Северном Кавказе — похищения девушек и форм уголовного преступления — похищения женщин. Хронологические рамки исследования — 1870—1970 гг. Работа проведена на основе полевых этнографических материалов, собранных А. А. Плиевым в Чечне и Ингушетии (1960—1970-е гг.). Женщина рассматривается как субъект и объект в семейно-брачной культуре чеченцев и ингушей. Изучено общее и особенное в бытовании института похищения в культуре этих народов. Выделен институт похищения у плоскостных чеченцев и институт похищения у горных чеченцев и ингушей. Отдельно авторы остановились на взаимосвязи институтов кровной мести и похищения девушек и женщин, а также на условиях и процедуре примирения после совершения похищения. Примирение осуществлялось по нормам адата. Сформулирован ряд правил, согласно которым регулировались проблемы, связанные с бытованием института похищения. Показаны изменения, которые произошли с данным институтом более чем за 100 лет.

Ключевые слова: ингуши, чеченцы, девушки, женщины, свадьба, брак, похищение, адат, правовая культура, Северный Кавказ, советская власть.

WOMAN AS AN OBJECT AND SUBJECT IN THE TRADITIONAL MARRIAGE AND LEGAL CULTURE OF CHECHENS AND INGUSH (1870—1970s)

A. A. Pliev, I. L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, irina@babich1.net

The aim of this article is to study one of the main forms of marriage in the North Caucasus — the abduction of girls, and a form of violating criminal laws — the abduction of women. The work is carried out on the example of Chechnya and Ingushetia. The chronological framework of the study is the period from 1870 till 1970. The study is based on the new

© Плиев А. А., Бабич И. Л., 2019

Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН на 2014—2020 гг.

field ethnographic materials collected by one of the authors of the article in Chechnya and Ingushetia (1960—1970s). In the article a woman is considered as a subject and an object in the family and marriage culture of Chechens and Ingush. The authors of the article studied the general and special characteristics in the existence of the institution of abduction in the marriage and legal culture of Chechens and Ingush. The authors study two main types: 1) the institution of abduction from the Chechens and Ingush living on the plain; 2) the institution of abduction from the Chechens and Ingush living in the mountains. The tradition of abduction was divided into violent and voluntary acts. The authors focused on the relationship between the institute of blood feud and the abduction of girls and women, as well as on the conditions and procedures for reconciliation after the abduction. Reconciliation was done according to the rules of adat. The authors of the article formulated a number of rules according to which the problems associated with the existence of the institution of abduction were regulated. The authors of this article show the changes that have occurred with this institution for over 100 years.

Key words: Ingush, Chechens, girls, women, wedding, marriage, abduction, adat, legal culture, North Caucasus, Soviet power.

Введение

Положение женщины на Северном Кавказе особое. Безусловно, она выполняла значительную роль в хозяйстве и быту на всем протяжении истории. Между тем в разных сферах наблюдалось сочетание подчас противоречивых ее статусов. С одной стороны, женщина не играла активной роли в функционировании ключевого института правовой культуры — кровной мести, а с другой — всякое посягательство на нее, всякое оскорбление ее чести, в каких бы формах оно ни проявлялось, рассматривалось как нарушение суверенитета целого рода и подлежало отмщению. Покушение на честь и нравственную чистоту женщины было самым тяжким преступлением, требовавшим кровной мести.

Как правило, женщина у чеченцев и ингушей не могла быть объектом кровной мести, какое бы страшное преступление она ни совершила. По обычаю убийство женщины, даже если она являлась убийцей, не допускалось. В этом случае мстили не ей, а ее ближайшим родственникам. Исключение составляло прелюбодеяние. Редко, но женщина могла стать субъектом мести. Приведем пример. В 1900 г. в Ингушетии в процессе драки был убит один молодой человек из тейпа А. Потерпевший не имел близких родственников — мужчин. У него была только одна сестра. Убийца, зная это, решил, что у него нет кровников, поэтому иногда смело посещал общественные места, нарушая таким образом принятый у горцев этикет кровников. Однажды убийца пришел в мечеть ингушского села Гамурзиево для совершения молитвы (намаз). Узнав об этом, сестра убитого А. стала ждать конца молитвы во дворе мечети. При выходе верующих из мечети она подошла к убийце, кинжалом нанесла смертельный удар и спокойно ушла домой*.

В то же время по правилам адата женщины должны были жестоко наказываться за любое преступление против нравственности. Примирения с прелюбодеями

* Полевые этнографические материалы, собранные А. А. Плиевым в 1963—1975 гг. Хранятся в личном архиве автора. Далее ссылки на эти материалы приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием букв ПЭМ.

не могло быть. Если происходило убийство жены и прелюбодея одновременно, дело этим заканчивалось, если же случалось, что убитой оказывалась только женщина, то муж-убийца должен был платить *ах пхъа* — стоимость полкрови ее родственникам (ПЭМ). Прелюбодея, нарушившего супружескую верность, наказывали обычно смертью, виновного же в нарушении нравственной чистоты девушки либо убивали, либо он мог искупить свою вину женитьбой. Если же нарушителем целомудрия девушки оказывался ее родственник, то мерой наказания для него была исключительно смерть. Иногда виновный во избежание ответственности брал девушку замуж, а прожив с ней два-три года, давал ей развод (ПЭМ).

Статусы женщин в горских обществах были противоречивы. Многочисленные литературные, архивные и наши полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что при регулировании многих конфликтных ситуаций женщина могла иметь главный голос и в своей семье, и в своем роду, в решении же иных вопросов (например, брачных или наследственных) вообще не могла принимать участия. Приведем пример. В 1916 г. один русский фельдшер был приглашен на свадьбу в ингушское село Ачалуки. Во время свадьбы два молодых ингуша поссорились, схватились за кинжалы и один убил другого. Виновный тут же покинул свадьбу. Родственники убитого организовали погоню за ним. На крик и шум вышла старуха, бросилась к убийце, прикрыла его шалью и сказала: «Он мой». Этого было достаточно, чтобы прекратить кровопролитие. Мужчины успокоились (ПЭМ).

В чеченском и ингушском обществах очень строго каралось похищение женщин. У горцев различались похищение молодой девушки, похищение просватанной девушки и, наконец, похищение замужней женщины. Последние два вида похищения назывались *саг яккхар* (ингуш.) — «отбитие девушки». Самым серьезным преступлением считалось похищение просватанной девушки или замужней женщины. Чаще всего примирения как между похитителями и родственниками похищенной, так и между родителями похищенной и родственниками того, за кого она была просватана, не могло быть.

В предлагаемой статье на основе полевых этнографических материалов, собранных в Чечне и Ингушетии, анализируются типы и особенности горских похищений девушек и женщин. Брачные традиции всех народов Северного Кавказа, безусловно, изучались, между тем типы похищений и их особенности у чеченцев и ингушей до сих пор не становились объектом рассмотрения [Арсанукаева, 2003; Албогачиева, Бабич, 2009; Албогачиева, 2012; Сайдумов и др., 2015].

Институт похищения в XIX — начале XX в.

Насильственное похищение девушек. Молодой человек, задумавший совершить похищение девушки с целью заключения брака, ставил об этом в известность своих ближайших родственников, родных и двоюродных братьев, а также близких друзей. Обычно чеченцы и ингуши похищали девушку, когда она выходила за водой. Правда, они могли выбрать и любой другой момент, тем не менее, как правило, никогда не врывались в дом избранной ими девушки.

Подобные похищения были двух типов: насильственными, когда девушка ничего не знала о планируемом событии, и добровольными, когда похищение осуществлялось по обоюдному согласию молодых. Обычно родители девушки как при насильственном похищении, так и при добровольном считали себя оскорбленными и всегда организовывали погоню. Если удавалось настичь похитителей, происходило столкновение, часто сопровождавшееся кровопролитием. Потерпевшая сторона при любом виде похищения внешне выражала возмущение. Похитители не должны были добровольно, без сопротивления отпустить девушку, показав свое бессилие. В результате столкновения двух сторон неизбежно назревало кровопролитие, начиналась кровная месть.

Насильственное похищение, как правило, сопровождалось отчаянным сопротивлением девушки, на ее зов население охотно откликалось. Односельчане всегда принимали активное участие в освобождении похищенной девушки. В противном случае на них ложилось пятно позора. Похищенная девушка могла обратиться за помощью к любому встречному, который по обычаю должен был ее оказать. Не помочь в таких случаях похищенной считалось большим позором. Старики-ингуши говорили: «Отбить насильственно похищенную девушку или женщину — вот для чего мы носим кинжалы».

Приведем пример. В чеченском селе Шатое за девушкой долгое время ухаживал молодой человек Ш. Она обещала выйти за него замуж, но потом передумала. Никакие уговоры Ш. не могли привести к желаемому. Он оценил ее поступок как «обман, оскорбление чести» и не мог этого забыть. Ему оставалось одно — насильственное похищение любимой девушки, что он и сделал. Во время побега они встретили в лесу местного жителя. Увидев его, девушка успела крикнуть и броситься к нему со словами: «Считай меня своей родной сестрой, не дай возможности меня увезти». Местный житель был со своим товарищем, у них имелось оружие. После этой просьбы он обратился к старшему из похитителей с вопросом: «Что бы вы сделали, если бы оказались на моем месте?» Похититель, вспомнив об обычаях, которые соблюдают в таких случаях, подумал и вернул девушку местному жителю. Так похищенная девушка была возвращена ее родителям. Но вскоре, тем не менее, она вышла замуж за похитителя (ПЭМ).

Если встречному человеку удавалось уговором или же силой отбить похищенную, он возвращал ее родителям и просил выдать замуж за похитителя, поскольку, если бы не его помощь, девушка была бы увезена. Родители девушки могли при этом поступить по своему усмотрению, однако отказ выдать девушку за похитителя означал, что они обрекли себя на вечный и жестокий суд общественного мнения (ПЭМ).

Если похитителям предоставлялась возможность благополучно уйти и скрыться от преследователей, они везли невесту в другое село, обычно в такое место, где их сложно было обнаружить. Похитители старались остановиться у влиятельных и авторитетных людей, рассчитывая на их помощь в урегулировании конфликта. Вступив под крышу дома любого чеченца или ингуша, похитители невесты оказывались под защитой. Обычно они находили поддержку со стороны жителей. Если преследователи настигали похитителей, то на помощь последним приходил весь аул. Считалось большим стыдом, когда преследователям удавалось отбить похищенную девушку. Похититель рассматривался жите-

лями села как гость, и ему требовалось оказать горское гостеприимство (ПЭМ). Похищенную невесту никогда мирно не возвращали. Выход был единственный — применение силы. Но такой способ практиковали редко, поскольку родственники девушки знали, что могут столкнуться с двумя, тремя тейпами и более, между которыми возникали кровные отношения.

Для того чтобы добиться согласия родителей похищенной девушки на брак, похититель иногда прибегал к крайней мере — изнасилованию. После этого события никто другой замуж ее не брал. Более того, если даже кто-либо решал вступить с нею в брак, то пока похититель не отказывался от девушки, новый жених не мог этого сделать: должно было произойти столкновение, поскольку данный поступок расценивался уже как саг яккхар, что влекло за собой кровную месть.

Родители и ближайшие родственники похитителя, включая и родственников по материнской линии, знали, что все вопросы, связанные с оскорблением чести девушки, являлись наиболее сложными, их решение зачастую кончалось кровопролитием. Поэтому сторона жениха принимала все меры к тому, чтобы быстрее закончить процедуру примирения. С этой целью родители жениха посылали к родственникам девушки наиболее почетных старцев. Переговоры, как правило, затягивались надолго. Когда посредники видели, что родственников девушки нелегко склонить на примирение, то обязательно приглашали известных знатоков обычного права Чечни и Ингушетии. Последние заканчивали спор мирным путем: либо похищенная оставалась, либо ее возвращали родителям.

Чаще всего в быту ингушей и чеченцев похищенную девушку удавалось укрыть от погони. Но если преследователи сталкивались с похитителями и при этом происходило кровопролитие, то по обычному праву чеченцев и ингушей родственные отношения прекращались и похищенную девушку возвращали родителям. Ингуши в таких случаях говорили: *Ций юкье деннад* (ингуш.), что можно перевести как «Кровь стала между нами».

В случае же если удавалось склонить враждующие стороны к примирению, родители или родственники жениха должны были уплатить выкуп — *там* (чечен.), или *тоам* (ингуш.). О его размере посредники договаривались сразу же. Данный выкуп включал в себя две части: калым — приданое невесте со стороны жениха — и штраф за оскорбление чести родителей. Таким образом, тоам (там) всегда был больше калыма. Родители девушки, не имея никаких возможностей противостоять старцам, просящим о примирении, и давая согласие на него, запрашивали непомерно больший выкуп, чем тот, что обычно устанавливался в таких случаях. Тогда посредники обращались к прошлому горцев, доказывая несостоятельность больших размеров выкупа.

Если при столкновении преследователей с похитителем совершалось убийство кого-либо (с любой стороны), то отношения между фамилиями полностью прекращались, так как могла произойти месть (ПЭМ). Однако при насильственном похищении девушек и женщин у плоскостных чеченцев чаще, чем у горных, случались традиционные примирения по адату, причем нередко без выплаты компенсаций. Родители похищенной, как правило, забирали ее домой и после получения тама могли выдать замуж за другого. Однако у чеченцев похищенную девушку обычно не брали в жены.

Приведем пример. В конце XIX в. чеченец из тейпа Г. похитил девушку из тейпа Т. Причина похищения заключалась в том, что девушка, за которой долго ухаживал парень, дав согласие на брак с ним, впоследствии отказалась от него. Еще до ее похищения между тейпами Г. и Т. произошла ссора, в результате которой потерпевшими оказались члены тейпа Т. Поэтому родственники девушки не захотели иметь родственные связи с тейпом Г. После похищения тейп Т. заявил, что если девушка не будет возвращена в течение трех суток, то на четвертый день они заберут ее насильно — *дов дергда* (чечен.). Девушку не вернули. Состоялось столкновение между членами тейпов, в результате которого были убиты три человека из тейпа Т. (отец девушки, дядя по отцу, дядя по матери) и три человека из тейпа Г. (старший брат похитителя, дядя и племянник). Кроме того, был убит еще один чеченец из другого тейпа. Обе стороны поклялись, дав очистительные присяги, что седьмой человек был убит случайно. После посредники начали мирить два тейпа. Им удалось это сделать, причем даже без назначения тама (ПЭМ).

Важно сказать, что у плоскостных чеченцев в тех случаях, когда девушка похищалась с целью оскорбления чести ее родителей или же похититель уже имел семью, обязательно происходило кровавое столкновение сторон либо похищение девушки из тейпа похитителя, чтобы нанести ей и ее родителям подобное же оскорбление (ПЭМ).

Отметим, что институт похищения девушек для оформления брака в XIX — начале XX в. в большей степени был развит у плоскостных чеченцев, в меньшей степени — у горных чеченцев и ингушей, поскольку у них наиболее распространенной формой заключения брака являлось сватовство, при котором не было необходимости совершать добровольные или насильственные похищения. Тем не менее они иногда случались и у ингушей, и у горных чеченцев, но сама традиция похищения несколько отличалась от традиции у плоскостных чеченцев. Рассмотрим эти особенности.

Совершив похищение девушки, ингуш-похититель со своими соучастниками сразу же приезжал в другое село под покровительство того человека, которого он заранее наметил. Выбирая такого человека, похититель принимал во внимание его авторитет. Родственники похищенной девушки, сильные или слабые, всегда устраивали погоню. Находясь под крышей авторитетной семьи, похититель имел больше надежды на благополучный исход — примирение.

При установлении враждебных отношений родственники девушки могли напасть на дом родителей похитителя, если им не удавалось найти его самого. Особенностью примирения при похищении девушки у ингушей и горных чеченцев являлось то, что в этом процессе учитывались «благородство, знатность» тейпа, откуда был родом похититель. Если он был из хорошей семьи, то сроки примирения могли быть короткими. При примирении назначался тоам, который шел родственникам девушки. Его размер, как правило, был больше, чем калым-приданое. В тоам входил калым и штраф за оскорбление родителей девушки. Он мог быть даже больше *пхъа* — суммы, выплачиваемой за убийство (ПЭМ).

Тоам, назначаемый в случае примирения, у горных чеченцев и ингушей был больше, чем у плоскостных: у горных ингушей он составлял 300 руб., у плоскостных — 200—210 руб. Если похититель давал клятву, что не был с

девушкой близок и она сохраняла девственность, тоам равнялся 100 руб., также дарилась одна лошадь и полная сбруя. Если похититель был в супружеских отношениях с похищенной девушкой, то ее родители категорически отказывались от родства с ним (ПЭМ).

Если при насильственном похищении девушки во время погони произошло убийство кого-либо (со стороны похитителя или девушки), то в будущем свадьба похитителя с девушкой состояться не могла. Девушку возвращали, но потерпевшая сторона обязательно должна была отомстить за кровь убитого человека. Поэтому старики-посредники (*кхлахой* ингуш.) пытались их примирить, учитывая степень морального и физического ущерба, причиненного каждой стороне (ПЭМ).

Похищение просватанных девушек и замужних женщин. Бывали у горцев и случаи похищения просватанных девушек или замужних женщин. За это похитителя полагалось убить. Обстоятельства таких похищений различались. Когда родители сознательно предоставляли возможность молодому человеку похитить их просватанную за другого дочь, враждебные отношения начинались между родственниками девушки и родственниками того человека, за которого девушка была просватана. Если родители не знали о планируемом похищении их просватанной дочери, то вражда начиналась между похитителем и его родственниками, с одной стороны, и женихом просватанной девушки и его родственниками — с другой (ПЭМ).

В 1860-х гг. произошел такой случай. Молодой человек имел старшую сестру А. Будучи просватанной, она готовилась к свадьбе, но за день до нее по своей воле круто изменила свою жизнь, выйдя замуж за другого. Ни родители А., ни ее братья ничего не знали об этом. А. с мужем покинули Чечню, 12 лет ничего не давали о себе знать. За это время родственникам виновной удалось склонить семью несостоявшегося жениха к примирению. Семья А. выплатила там (70 коров).

Приведем еще один пример. В конце XIX в. в чеченском селе Хильдахарой А. Д. просватал девушку, однако она по своему желанию вышла замуж за другого — Ч. Д. Старики-посредники стали разбирать дело. Они вынесли решение об уплате тама (50 коров и верховой конь в полной сбруе). Там был выплачен. Однако А. Д. не мог забыть нанесенной ему обиды и через год попытался убить Ч. Д., произведя выстрел в него, но Ч. Д. остался жив (ПЭМ).

Похищение просватанной девушки могло быть и мстью семье несостоявшегося жениха, когда одна из ранее враждовавших сторон желала нанести оскорбление другой стороне. Такое похищение подлежало общественному осуждению. Обычно в подобных случаях примирения не могло быть и похищения заканчивались кровной мстью. При этом чеченцы и ингуши говорили: *Топ яла еза* (ингуш.) — что можно перевести как «Должен произойти выстрел».

Целью похищения просватанной девушки иногда являлось создание семьи, например в ситуации, когда молодой человек годами добивался руки своей возлюбленной, все об этом знали, а родители решили выдать девушку замуж за другого. Такое похищение называлось саг яккхар (насильственно отобранная). В этих случаях молодой человек и его родители предпочитали кровную мсть общественному позору. Аульчане, в свою очередь, не упускали возможности

упрекнуть молодого человека, смирившегося с выдачей своей возлюбленной за другого, в отсутствии смелости, мужества.

Был и третий вид похищения чужой невесты — так называемое формальное (фиктивное) похищение. При этом похищении родители хотя и знали заранее о намерениях своей дочери, но делали вид, что ни о чем не догадываются. Чаще всего о планах дочери узнавала мать, которая во многом способствовала их осуществлению. Ингуши в таких случаях говорили, что дочь не получила должного воспитания в семье, а потому и создавали видимость насильственного похищения.

Отношение родителей к похищению их просватанной дочери могло быть разным: либо они были заинтересованы в том, чтобы их дочь вышла замуж не за просватанного жениха, а за другого, либо хотели брака дочери с просватанным. В первом случае родители девушки выплачивали тоам вместе с похитителями. Тогда возникала вражда между родителями девушки и родственниками просватанного жениха. Во втором случае враждебные отношения устанавливались между родителями девушки и ее похитителем.

Приведем пример. В 1860-х гг. в ингушском селе Экажево у старика М. Д. был единственный сын Т. Отец, когда Т. было всего 17 лет, просватал ему девушку. Но незадолго до свадьбы девушка вышла замуж за другого молодого человека. Старик сказал своему сыну: «Т., похитили нашу невесту. Надо решить этот вопрос, не ожидая смерти отца». Т. отвечал отцу: «Отец, нет у меня ничего более серьезного, чем забота о тебе. Не сомневайся в том, что я все исполню по обычаю, а потому будь спокоен». Через некоторое время Т. возвращался домой с прогулки. Похититель его невесты вместе со своими друзьями схватили Т., отвезли к себе домой и заперли. Об этом узнали в селе. Общественность обвинила похитителей в грубом нарушении обычаев: они похитили чужую жену и похитили ее молодого человека в качестве раба. Более того, отец девушки зашел во двор отца Т. Это было нарушением ингушского этикета кровников. Отец Т., увидя отца девушки в своем дворе, убил его. Т., освободившись от похитителей, убил еще пятерых из фамилии похитителя. Отец и сын навсегда покинули Ингушетию, переехав на постоянное жительство в Осетию. Вскоре Т. женился на осетинке, изменил свою фамилию, боясь мести со стороны преследователей (ПЭМ).

Если молодой человек похищал девушку, не зная, что она просватана, то была вероятность спокойного развития событий: похитителю не мстили, если он возвращал девушку и давал клятву — *мехка бокъо* (ингуш.), что можно перевести как «право, разъяснение народу». Это была клятва в том, что он предпринял этот шаг, не зная о сватовстве, и что он не был с девушкой в близких отношениях.

Существовали различия в размере тоама, выплачиваемого жителями горной и плоскостной Ингушетии при примирении после похищения просватанных девушек: у горных ингушей его составляли 90 коров (или 100 руб.), у плоскостных ингушей — двойной калым: 210 руб. и 300 руб. за нанесенное оскорбление, а также штраф 50 руб. (ПЭМ).

Соучастники похищения девушки, независимо от их количества, должны были уплатить родителям невесты по одному коню. Бытовало такое понятие, как «названный, указанный конь» — *цIu тълатеха* (ингуш.). Согласно этому обы-

чаю родители похищенной девушки выбирали лучшего коня того или иного хозяина и имели право в качестве тоама требовать именно его. Соучастники, независимо от стоимости этого коня, выкупали его в полной сбруе и передавали родителям девушки.

Рассмотрим теперь случаи похищения при так называемом «колыбельном» браке, о котором родители сговаривались, когда их дети были малолетними или даже еще не родились, и скрепляли договор передачей родителям девушки различных видов оружия, например кинжалов. Если произошло похищение девушки, которая была с детства просватана за другого, в ингушском и чеченском обществах определялась тяжесть данного преступления. На это влияли два обстоятельства: время суток «колыбельного» сватовства, факт его оглашения. Если сватовство было совершено днем и с оглашением, то враждебные отношения возникали между родителями девушки и родственниками человека, за которого она была просватана с колыбели. Если о браке договорились вечером, то враждебные отношения возникали между лицом, похитившим девушку и женившимся на ней, и теми, кто ее сватал. Все остальные нормы при похищении девушки, просватанной с колыбели, сходны с приведенными выше (ПЭМ).

Институт похищения в 1920—1970-х гг.

Традиция похищения невест в 1920—1930-х гг. В 1920-х гг. постепенно начало меняться положение северокавказской женщины в обществе и семье (ее стали называть в эти годы горянкой). Многие мероприятия советской власти были направлены на уравнивание женщины в правах с мужчиной, вовлечение ее в общественное производство и общественную деятельность, повышение ее культурного уровня. Преодолению неравенства женщин в быту, по мнению советских чиновников, мешали многочисленные ингушские и чеченские пережитки. Одной из наиболее вредных традиций, унижающих честь и достоинство женщины, как считали советские идеологи, была традиция похищения девушек с целью заключения брака. Для того чтобы предотвратить такие похищения, советские и партийные органы власти в 1920—1930-х гг. приняли ряд директив (см.: [Плиев, 2016]). Но они работали плохо. Так, в марте 1929 г. на IV съезде Советов Чеченской автономной области ее прокурор констатировал, что при разборе дел, связанных с похищением девушек, в советских следственных органах происходило много нарушений и среди них ключевым было изменение первоначальных показаний похищенной девушки. Очень часто она под влиянием родителей похитителя, стариков и мулл на суде или у следователя меняла свои показания, утверждая, что вышла замуж по своему согласию. В этом случае следственные органы были вынуждены прекращать дальнейший разбор дел. Фамилии похитителя и похищенной девушки приступали к обсуждению случившегося, при этом они исходили из норм обычного права и прибегали к помощи посредников. В большинстве случаев примирения удавалось достичь, но иногда родители похищенной забирали девушку самостоятельно или с помощью стариков-посредников. Это осложняло отношения, появлялись обвинения в оскорблении чести родителей, увеличивался размер тоама.

Но были и похищения с серьезными последствиями. В 1921 г. в ингушском селе Альтиево молодой человек О. похитил девушку из фамилии А. Родственники

похищенной устроили погоню. Началась драка, в результате которой был убит младший брат похитителя. На процедуру примирения ушло два года (ПЭМ).

Отметим, что в подобных ситуациях в Чечне примирение происходило значительно легче, чем в Ингушетии. В 1921 г. в чеченском селе Валерик молодой человек С. похитил девушку М. С. Началась погоня, однако он увез ее в другое селение, где остановился у незнакомых людей. Гнавшимся за ними не удалось обнаружить похитителя с девушкой. Между тем хозяин, принявший беглецов согласно обычаю, сообщил родителям девушки, что их дочь находится у него. Состоялся совет наиболее авторитетных стариков — родственников похитителя и похищенной девушки. Споры между ними продолжались три недели, после чего удалось достичь примирения. Решение было таково: родственники С. должны были уплатить тоам в размере 700 руб., а родители девушки приготовить ей приданое, добавив еще от себя 400 руб. Все это было сделано, и свадьба состоялась. Если похитителей девушки настигали ее родственники, насильственные похищения сопровождались кровопролитием (ПЭМ).

Несмотря на принятые постановления, резолюции, усиление уголовной ответственности за похищение девушек в уголовных кодексах РСФСР, эта семейная традиция отчасти продолжалась в Чечне и Ингушетии и в 1920—1930-х гг.

Традиция похищения невест в 1940—1970-х гг. Постепенно традиция насильственного похищения девушек и женщин ослабла. Наши полевые этнографические материалы показывают, что в 1940—1970-х гг. случаи насильственного похищения были очень редкими как у чеченцев, так и у ингушей. В основном все этапы брачной процедуры стали происходить по взаимной договоренности. И ключевым этапом в этой процедуре являлось не похищение, а выплата калыма. Калым как часть свадебных традиций и как часть правовой культуры существует и в настоящее время. В 1960—1970-х гг. чеченцы разделяли собственно калым (там) как выкуп, предоставляемый женихом родителям невесты, и *урдо* (чечен.) — определенную сумму денег, выплачиваемую мужем жене на случай развода. Важно отметить, что о выплате *урдо* и его величине стороны договаривались только после того, как удавалось достичь согласия в размере тама. У ингушей такого различия не было, существовала лишь одна выплата — *урдув* (ингуш.), выкуп, вносимый женихом и идущий в пользу невесты.

В 1960—1970-х гг. сохранялись некоторые различия в брачных обрядах чеченцев и ингушей. Опишем особенности чеченского брачного обряда. Знакомство девушки и парня происходило через родственников или знакомых на вечеринках, устраиваемых в честь приезда гостей, где всегда собиралось очень много молодежи. Если молодые люди понравились друг другу при первом знакомстве, то их неофициальные встречи в различных местах становились частыми. Эти встречи продолжались несколько лет — от одного до трех и более. Наконец, молодой человек предлагал девушке выйти за него замуж. Если девушка принимала его предложение, то парень договаривался с ней о месте и времени встречи. В назначенный час (как правило, это был вечер) молодой человек, пришедший в указанное место со своими друзьями, забирал девушку.

Являлся ли в 1960—1970-х гг. данный вид сватовства одной из форм похищения девушек в традиционном его понимании? Думается, что такое сватовство можно рассматривать как своеобразную форму добровольного похищения.

Зачастую о предстоящем «похищении» девушки знали все домашние — как женщины, так и мужчины. Известен такой случай. Однажды отец девушки ночью возвращался домой. Ночь была темная. Вдруг отец почувствовал, что его кто-то толкнул, оглянувшись, он увидел протянутую руку с узелком (в узелке были вещи первой необходимости, приготовленные девушкой). Нагнувшись, отец узнал свою дочь. Оказалось, что девушка приняла его за «похитителя». Узнав свою дочь, отец сказал: «Не я тебе нужен, те, кто тебе нужны, вот, у забора стоят» (ПЭМ).

Молодой человек забирал свою девушку, но вез ее не домой, и не к своим родителям, а в семью ближайших родственников или же к родителям своих друзей, обычно в другое селение, что в брачном обряде чеченцев называлось *зуда йоссаяр* (чечен.). Хозяин дома брал похищенную девушку под свою опеку. Что бы ни случилось, он за все отвечал. Родители жениха сообщали родителям девушки через посредника, что их дочь вышла по своему согласию замуж. Родители девушки соглашались на брак, но при этом старались четко определить размер тама, идущего на приданое. Продолжительность времени, проводимого молодоженами у хозяина, где произошло *зуда йоссаяр*, зависела в первую очередь от того, как скоро родители девушки соглашались на примирение и хозяин подготавливал ценный подарок, который по обычаю он должен был преподнести молодоженам. Обычно этот этап длился от одной до двух недель. Уплатив там и передав различные подарки родителям девушки, ее братьям и снохам, жених забирал невесту к себе домой. В там входили деньги, на которые родители готовили приданое своей дочери. Последнее передавалось, когда она возвращалась к своим родителям погостить.

Большинство чеченской молодежи заключало брак описанным выше способом. Браки через сватовство у чеченцев были очень редкими. Родители в подобных случаях так говорили свои сыновьям: «Неужели ты не можешь жениться на любимой девушке по договоренности с ней?» (ПЭМ).

У ингушей в отличие от чеченцев все браки, за редким исключением, заключались по сватовству. В 1960—1970-х гг. происходило это следующим образом. К родителям избранной молодой человеком девушки посылали сватов. Побывав у родителей девушки два-три раза, сваты получали согласие на брак. Обычно они знали, когда это произойдет, поэтому брали с собой в тот вечер деньги в сумме, превышающей установленный в народе калым. Получив согласие на брак, сразу же договаривались о величине калыма, называемого у ингушей *урдуб*. Ингушский калым полностью передавался девушке и являлся ее собственностью. Эти деньги шли на приготовление приданого.

Все брачные выплаты у чеченцев и ингушей в 1960—1970-х гг. включали в себя: 1) *захала лу ахча* (ингуш.) — деньги, даваемые матери просватанной девушки в вечер получения согласия на брак. Эти деньги всегда шли в пользу дочери. Получив их, мать в тот же вечер или на второй день передавала эту сумму своей дочери, которая использовала ее вместе с калымом по своему усмотрению; 2) *нейц чуводаш луш дола яхча* — деньги, даваемые зятем в период его посещения до свадьбы. Деньги переходили в собственность девушки, никто не имел на них права. Девушка готовила себе *поартал* — приданое, испльзуя как «калымные» деньги, так и деньги родителей; 3) *совгатыш* — подарки девушке с

различных сторон. Все принесенные подарки становились ее собственностью, она их забирала после свадьбы; 4) *хьоалчагI* — деньги на свадебные угощения.

Приданое у ингушей девушка готовила на «калымные» деньги, которые она получала от жениха. Если умирала женщина, не имевшая детей, у ингушей все имущество, купленное ею на «калымные» деньги и привезенное с собой в день свадьбы, оставалось у мужа. У чеченцев это было иначе: все то, что девушка приобрела на полученный там, оставалось в доме супруга (ПЭМ).

Заключение

В XIX — начале XX в. традиция похищения девушек была достаточно широко распространена в ингушском и чеченском обществах. Существовал целый ряд правил, согласно которым регулировались возникающие при этом проблемы. При совершении насильственного похищения девушек (а иногда и добровольного) дальнейшие события могли развиваться по трем «сценариям»: 1) родителям девушки удавалось ее освободить, 2) под влиянием общества и по правилам адата заключалось примирение между похитителем и его родителями, с одной стороны, и девушкой и ее родителями — с другой, 3) совершалась кровная месть по отношению к похитителю и его помощникам. Значительно реже у горцев случались похищения просватанных девушек и замужних женщин. В советские годы власти настойчиво боролись с бытованием данной традиции, считая, что она унижает горянок. Постепенно похищение приобрело форму добровольного похищения, происходящего по обоюдному согласию как будущих супругов, так и их родителей.

Библиографический список

- Албогачиева М. С.-Г.* Социальный статус ингушской женщины // Радловский сборник: научные и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 293—297.
- Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л.* Правовая культура ингушей: история и современность // История государства и права. 2009. № 19. С. 33—39; № 20. С. 34—38.
- Арсанукаева М. С.* Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX — начале XX в. // Семейное и жилищное право. 2003. № 1. С. 37—41.
- Плиев А. А.* Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей, 1880—1970 гг. М.: Наука, 2016. 156 с.
- Сайдумов Д. Х., Нинциева Т. М., Алихаджиева А. С.* Семейно-правовые отношения в чеченском обществе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 45—52.

References

- Albogachieva, M. S.-G. (2012) Sotsial'nyĭ status ingushskoĭ zhenshchiny [Social status of Ingush women], in: *Radlovskii sbornik: Nauchnye i muzeĭnye proekty Muzeia antropologii i etnologii Rossiĭskoĭ akademii nauk v 2011 g.*, St. Petersburg: Muzeĭ antropologii i etnologii Rossiĭskoĭ akademii nauk, pp. 293—297.

- Albogachieva, M. S.-G., Babich, I. L. (2009) Pravovaia kul'tura ingusheĭ: istoriia i sovremenost' [Legal culture of the Ingush: history and modernity], *Istoriia gosudarstva i prava*, no. 19, pp. 33—39; no. 20, pp. 34—38.
- Arsanukaeva, M. S. (2003) Semeĭno-brachnye otnosheniia u chechentsev v XIX — nachale XX v. [Family and marital relations among Chechens in the XIX — early XX century], *Semeĭnoe i zhilishchnoe pravo*, no. 1, pp. 37—41.
- Pliev, A. A. (2016) *Nekotorye aspekty pravovoĭ kul'tury chechentsev i ingusheĭ* [Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush], Moscow: Nauka.
- Saĭdumov, D. Kh., Nintsieva, T. M., Alikhadzhieva, A. S. (2015) Semeĭno-pravovye otnosheniia v chechenskom obshchestve [Family law relations in Chechen societies], *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik*, no. 4, pp. 45—52.

Статья поступила 15.05.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Плиев Абдурахим Ахмедович — кандидат исторических наук, пенсионер, г. Москва, Россия, irina@babich1.net (Cand. Sc. (History), a retired person, Moscow, Russian Federation).

Бабич Ирина Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, irina@babich1.net (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).